

Андрей Абаза

**Записки
автохтона**

Андрей Абаза

Записки автохтона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18533968

ISBN 9785447475765

Аннотация

Начали помирать друзья и не с кем поделиться, рассказать, что же скрывается под дефисом между датами рождения и смерти. Воспоминания о службе офицера-«двухгодичника», о золотом времени (1977–1982) учёбы на истфиле ГГУ им. Н. И. Лобачевского, прелести проживания в общеаге. Перестройка и приватизация в провинции, бизнес 90-х, наблюдения и размышления социолога о текущей жизни. Суждения, опасения и надежды педагога, отца троих детей и деда двух внуков. Никакой чернухи, сплошная веселуха.

Содержание

Предисловие	5
Часть 1	6
«Белое вино с чёрным хлебом...»	6
«Хуже самого последнего узбека...»	10
«Кто в армии служил, тот в цирке не смеётся...»	16
«Танкисты – стальная грудь Отчизны...»	22
«Гремя огнём, сверкая блеском стали...»	26
«Да, были люди в наше время...»	35
Сабонис forever	44
«Одер, Висла, Варшава, Брест, мы на службу положим крест...»	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Записки автохтона

Андрей Абаза

Васе и Шуре с надеждой на встречу...

Мы не викинги, и нечего выпячивать челюсть.

*Мы азиаты и здесь живём. Терпение, терпение
и терпение...*

Олег Куваев. «Территория»

© Андрей Абаза, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Видный, даже крупный, писатель – универсал Дмитрий Львович Быков сочинил роман «ЖД», который всем настоятельно рекомендую прочесть.

Перипетии сюжета узнаете сами, если захотите. В присущей автору манере, с юмором, гонором и аллюзиями, Быков описывает историю России, как вечную борьбу «варягов» с «хазарами», двух «прогрессорских» организаций, конструирующих своё будущее на территории, заселённой «туземцами». «Туземцы» ничего не умеют, ничего не хотят и ничему не сопротивляются.

В финале «варяг» – офицер встречается с душевной, юной «хазаркой» и, взявшись за руки, идут они под девизом «Долг и милосердие» в загадочную «...деревню Жадруново, где их ждало неизвестно что».

Я как раз из числа «туземцев», но коннотация термина мне не нравится. Синоним термина «туземец» – «абориген» – слишком затёрт колонизаторами всех времён и народов.

Я – автохтон. Привет из Жадруново.

Часть 1

«Белое вино с чёрным хлебом...»

«Где я?», «Кто я?», «Зачем я?» – вот те вопросы, которые мучили молодого человека с утра, с очень раннего утра. Он проснулся (или очнулся?) в совершенно незнакомом месте, причём непонятностей море: в форме (погон натёр щёку), но без портупей с кобурой; лежит, но на шконке, без белья; потолок над ним бел, но без лампы с абажуром. Кстати, насколько рано – «Командирские» на месте – 4—47, ну, значит, утро. Ибо днём поспать не дадут.

Точно, утро, 23 июня 1984 года, потому что вчера, нет позавчера, было 21.06.1984 и замполит на разводе караулов... Караулы, караулы, караул, люди добрые, он же вчера был в карауле, начальником караула, все с оружием, 22 человека, на каждого АКМ +60 патронов, а у него был пистолет ПМ с 16 патронами (две обоймы по 8 штук) ... Был.. Был, да сплыл. Нет, не сплыл! Молодой человек окончил университет в Нижнем Новгороде (5-й город СССР по численности и 1-й по красоте (красоте девушек, естественно) и был знаком с логикой (1 семестр).

Он всё сдал вечером 22 июня 1984 года, сдал и не забыл, кому сдал! Вспомнил, всё вспомнил! Он Сорокин Андрей

Леонидович, гвардии старший лейтенант, командир второго взвода третьей роты первого батальона Второго Отдельного Особого Тяжёлого танкового полка прорыва (в/ч №... – военная тайна).

Хорошо, и куда же он прорвался? И зачем? Так, караул устал, сдали оружие, пересчитали патроны, тоже сдали поштучно, солдаты в казарму, а старший лейтенант? В «Столбы», кабак, главный кабак в городе Дзержинске, столице советских химиков (или советской химии?). Уже яснее, из «Столбов» путей отхода немного и все известны.

Можно налево, девушки («девушки» в «Столбах»?) любят военных и часто дарят им любовь просто так, за удачу. Нет, непохоже, рядом никого и нет признаков кого-нибудь из женского рода поблизости. Окружающая действительность не женственна по определению: стены белые, оштукатуренные, в извёстке без обоев.

Можно отступить направо – пьянство с мордобоем в сугубо мужской кампании (но бывает и из-за женщин). Нет, всё цело, форма не порвана, скулы не болят. И место пробуждения плохое – никого не слышно, тихо и пиво не льётся.

Похоже, пошёл напрямик. Прямо в вестибюле ресторана на первом этаже (после 300 граммов водки) закрытая дверь, которую просто необходимо открыть, ибо туда спряталась фея чистой красоты, от танцев отказалась, водку не пила и убежала за ту дверь.... Ясно, нет таких крепостей, которые не могут взять большевики.. Он не большевик, даже не член

этой партии, которой нет с 1952 года, но он жаждет взять эту крепость, пробивается с боями (дверь вдребезги) и нарывается на... на полковника (бывшего подполковника) Бурцева. Всё, теперь определённо всё, и ясно – понятно. Точно. Бурцеву старший лейтенант был хорошо знаком с плохой стороны, не далее как две недели назад он (ст. лейтенант) на полковом разводе уже был уличён в нетрезвости, признался в распитии 1 (одной) бутылки чудного вина «Тамянка» с неизвестными особами. «Тамянка» не беда (тем более, что было 2 бутылки «Старорусской» и особа одна).

Беда в том, что подполковник Бурцев стал полковником, сдал полк и уже обмывал (именно в отдельном кабинете «Столбов») назначение на должность заместителя командира 60-й танковой дивизии. Пьяный и буйный лейтенант (пока ещё старший) резко выделялся на фоне степенных майоров с жёнами и выше... И был вызван патруль, и был задержан патрулём, и было определено по грехам его – 5 суток ареста. Точно, он на «губе», счастье – то какое!

Во-первых, выпится. Офицеров не будят (да их и не бывает). На гарнизонной гауптвахте несколько камер для рядовых, 3 для сержантов и старшин и 0 для офицеров. Наш герой был заперт в медицинском изоляторе один. «Настоящих буйных мало, вот и нету вожаков...»

Во-вторых, экономят. Арестантов страна кормит, а у старшего лейтенанта деньги отсутствуют (на ощупь), похоже, закончились именно вчера и именно в «Столбах».

До получки почти месяц («Мы танкисты, 16-го получка», зампотех вдалбливал механикам «Масло трансмиссионное, вязкость 16 сантистокс с присадками, МТ-16П, усвоили, калмыки?» Калмыки не усвоили потому, что были казахи, а лейтенант Сорокин на всю жизнь запомнил), где деньги, Зин? Так, 260 рублей минус подходящий, бездетность и 3% комсомольских взносов должно быть 206 рублей 80 копеек, он их и получил 15 июня, прошла неделя, «через день – на ремень» в караул, там тратить некуда, один средний заход в «Столбы» максимум 10 рублей... Ффу – пронесло, вспомнил – дал в долг соседу Мишке Чикину 150 рублей на неделю. Ладно, деньги нашлись, хотя не все...

В-третьих, подумает о жизни. Пора подумать о жизни и прекратить пить «белое вино с чёрным хлебом», как называл этот захватывающий воображение процесс золотой парень Лёха Васильев, старший прапорщик, ротный старший механик – водитель, семейный, положительный и толковый.

«Хуже самого последнего узбека...»

О чём думать человеку, выбравшему путь советского офицера? Не о чём и незачем ему думать, всё известно заранее и надолго: служи по Уставу, завоеешь честь и славу. 2 года – взводный, 3 года – ротный, до 30 лет надо пробиться в Академию, иначе карьера закончится комбатом, майор (подполковник) максимум, отец солдатам. А хочется быть в папаше и в «штанах с лампасами» – генерал!

Комбат – самая главная должность в армии, но и самая хлопотная. 500 рыл в подчинении у командира мотострелкового батальона, да 15 офицеров, да 10 прапорщиков, голова кругом. «Чёрные погоны, багровые лица, пехота Мурдида идёт опохмелиться...». Мурдид – фамилия подполковника, командира мотострелкового батальона 14 гвардейского танкового полка. Там начал службу лейтенант Сорокин, но недолго музыка играла.

В семье Сорокиных, как и в миллионах других советских семей, не боялись службы в Советской Армии. Все служили в свой черёд, отец был тяжело ранен в Будапеште в 1956 году, двоюродный брат легко – на границе с Китаем в 1969, одноклассник погиб «застреленный под городом Гератом». Армия как неизбежность, «мужик неслуживый, как баба нерожалая». Оба деда лейтенанта погибли в Великую войну, один в 1941, другой – Андрей – в 1942 году. Лейтенант был кре-

щёным бабушкой в младенчестве атеистом, твёрдо знал, что смерть на войне – прямой путь в Царствие Небесное. Смерть он видел, хоронил бабушку (другую), дядю и соседа, разбившегося на мотоцикле, и он её никогда не боялся (и сейчас не боится).

Средний брат служил в Германии, связист, гвардии старший сержант. Младший брат – в Иркутске, войска ПВО, младший сержант. Лучший друг – гвардии ефрейтор, пулемётчик, Псковская дивизия ВДВ. Хороший парень Сорокин после школы пытался поступить на истфак МГУ, не прошёл, естественно, по конкурсу (12 человек на место), не без зависти поглядел на прошедших по конкурсу (например, Гагарину Е. Ю., ныне директора музеев Кремля) и 1 сентября начал работать токарем на Заводе в родном городке.

Работа хорошая, простая, токарь-операционник в бригаде. Тогда не платили аванс и не вычитали налоги за первый месяц работы, 10 октября 1976 года он принёс домой 226 рублей, мать заплакала, зарплата у учителя начальных классов была строго 95 рублей на руки в месяц. Отец хмыкнул и отправил в магазин за водкой (4 рубля 12 копеек +22 копейки пачка папирос «Беломорканал»). Сорокин Андрей выпил на свои с отцом, закусил с матерью и закурил открыто – начал взрослую жизнь.

В январе его направили на курсы подготовки водителей от военкомата, права он получал в июне и весной проводил друзей в армию, проводы с песнями, плясками, слеза-

ми и водкой шли каждый день на железнодорожном вокзале. Прошёл апрель, май, в июне призыв закончился, Сорокин получил права категории «С» и повестку на 15 сентября. Отец был прав и мудр, в июне Сорокин пересдал на легко-вушку (категория «Б»), взял отпуск и уехал в Нижний Новгород поступать на истфил университета. Получил те же оценки, как в Москве: 5 по истории и сочинению, 4 по английскому и литературе и ожидаемо для всех и неожиданно для себя был принят на первый курс историко-филологического факультета университета имени Н. И. Лобачевского.

Таким образом, армия обманулась в своих ожиданиях, студент Сорокин изучал военное дело на военной кафедре, выпускался лейтенантом запаса и должен был ехать по распределению учителем в школу куда-нибудь подальше от цивилизации, поближе к земле, на северо – восток необъятной нашей родины. Но цепные псы империализма посягнули на завоевания Апрельской революции нашего дорогого соседа – братского Афганистана.

«Ограниченный контингент советских войск в Афганистане» стал полигоном для обстреливания молодых кадровых офицеров («Зажирелись, войны не видели, пусть хоть тут пороха понюхают» – якобы сказал лучший друг советской молодёжи Маршал Устинов Д. Ф., Министр обороны СССР). Выпускники военных училищ, brave, спортивные и весёлые лейтенанты поехали тренировать обоняние «за речку», а ляжку ваньки – взводного пришлось тянуть

всяким бывшим студентам, вялым, очкастым и весёлым, хотя совсем по другому поводу.

Среди этих «двухгодичников – двухгадюшников» внезапно оказался и наш герой. К несчастью, он был бодр духом, крепок телом и очков не носил, что сильно повлияло на всю его военную карьеру. Вначале они вшестером добрались до Москвы, нашли штаб Московского военного округа, где весь день их гоняли из кабинета в кабинет, бдительно настораживаясь от внешнего вида этой группы: волосатые, в джинсах и с похмелья (проводы в армию, конечно, состоялись и удались). Потенциальные лейтенанты в штатском нашли курилку и задержались в ней. Судьба их там и решилась.

Подполковник (случайный курильщик) вывел группу в коридор, поставил к стене, скомандовал «Равняйся! Смирно!». «Из деревни кто?» – вопрос озадачил. Ближе всех к деревне был как раз Сорокин, живший в небольшом райцентре, но он своим городом гордился и деревней его не считал. Убедившись, что деревенских нет, подполковник махнул рукой и сказал: «Первые трое – за мной, шагом марш». Сорокин был четвёртым, а третьим был его лучший друг, одноклассник Вася Фадеев, горожанин в пятом поколении. Через 20 минут троицу вынесло обратно, лица на них не было – их направили в кавалерию (последний кавалерийский полк страны называли «киношным»), Васе очень повезло – ближнее Подмосковье, командировки, разъезды, съёмки в киноэпопее «Первая Конная» и множество красивых женщин во-

круг – но он этого ещё не знал).

После такого тройка пока ещё оставшихся в живых готовились к самому худшему – и оно наступило – к вечеру другой подполковник, ни о чём не спрашивая, вынес в коридор и раздал направления ОБРАТНО в Нижний Новгород, в штаб 60-й танковой дивизии, располагавшейся тогда на окраине города. Сорокин следующим утром с позором вернулся в родное общежитие, из которого позавчера навсегда уходил «на фронт». Общага была на месте, но перестала быть родной – вернулись первокурсники с картошки и выпускник стал совсем чужим, места для него не нашлось. Переночевать матёрому парню всегда есть где, но именно позавчера, на пороге новой жизни, Сорокин порвал с прошлым, сжёг мосты и обрубил концы вместе с хвостами.

Именно поэтому после обеда он уже стоял у дверей строевой части штаба, получил бумагу, выяснил, что теперь он – командир 1 взвода 1 мотострелковой роты мотострелкового батальона 14 гвардейского танкового полка, в канцелярии батальона он ночевал 4 дня. Получил форму, встал на довольствие, подержал в руках своё оружие – ПМ (получил на складе и сдал в оружейку), был представлен комбату (подполковник Мурдид), его ротный был в отпуске, личный состав на полигоне (состава оказалось 9 человек, батальон был «кастрированным – кадрированным» и укладываясь спать на диване в штабе батальона услышал через фанерную заборку приговор комбата: «Нагнали двухгадюшников – тупее

самого последнего узбека!»»

«Кто в армии служил, тот в цирке не смеётся...»

«Нечего ссать, бойцы, танк сделан гореть, а не тонуть» – на этой оптимистической ноте комбат – 1 майор Кочкин закончил инструктаж личного состава вверенного ему танкового батальона перед учебными занятиями на тему «Преодоление водной преграды по дну своим ходом». Дело происходило летом 1983 года на дивизионном учебном полигоне, 11 танков Т-62 (10 ротных и машина комбата) располагались в линии, а перед небольшим (70* 150 метров) озером выстроился поэкипажно личный состав 3-й роты. На правом фланге – экипаж командира роты во главе со старшим лейтенантом Кирпичёвым, далее – командир первого взвода лейтенант Усманов, затем два экипажа первого взвода, затем командир второго взвода лейтенант Сорокин + ещё два экипажа. На левом фланге три экипажа третьего взвода под командованием лейтенант Чигина.

Танк весит 40 тонн и обязательно утонет в любой луже глубже 2 метров, но не потеряет сцепления с относительно твёрдой поверхностью. Этим свойством решили воспользоваться наиболее безжалостные умы МО СССР. Была придумана система воздухозабора (труба диаметром 60см и длиной 4 метра крепилась на люке заряжающего), изоляции двигателя и частичной герметизации боевого отделения. Эки-

паж за прибрежными кустами производил лихорадочные манипуляции с техникой, закрывал люки по боевому и начал молиться всем богам, чтобы механик водитель не отклонился от указателя гирополукомпаса (прибор настраивался на ориентир на другом берегу), а двигатель не успел перегреться. Танк входил в воду, как кувалда, все триплексы сразу темнели, изоляция, и правда, была частичной, вода струилась сверху и заливала командира, наводчика и заряжающего, которые крепко сжимали сумки с ИПС (изолирующий противогаз спасательный – мини-акваланг армейского дизайна: сплошная резиновая маска, соединённая с баллончиком для воздуха запасом на 10 минут). Если танк не сможет преодолеть водный барьер и остановится под водой из-за перегрева двигателя (он изолирован, лишён охлаждения и танк может проехать в таком режиме максимум километр) – нужно триплексы выдернуть, дожидаться полного затопления машины, уравновесить давление и открыть командирский люк, через который организовано покинуть машину, т.е. всплыть, если сможешь.

Что интересно, расчётное время преодоления водной преграды шириной 70 метров при скорости 10 км/час составляет 25 секунд, но длятся они всю жизнь, которая и промелькнула перед внутренним взором Сорокина, пока не посветлело в перископах и танк не выбрался на другой берег. Вода с танка стекала, как с бегемота, счастливые танкисты выскочили мокрые, как мыши не столько от воды, сколько

от пота – подводное приключение на танке пробивало гораздо сильнее, чем любая сауна.

Что ещё интереснее, Сорокина готовили на специальность «командир мотострелкового взвода», он три месяца после защиты диплома провёл на сборах, жил в палатках посреди леса, стрелял из АКМ, принял присягу, водил БТР-60ПБ и даже преодолевал на нём славную речку Клязьму поперёк – и зачем? Как, зачем и почему он вдруг стал танкистом?

Подполковнику Мурдиду не пришлось убедиться в неправоте своих опасений в отношении «двухгадюшника» Сорокина – Сорокин убыл на прохождение курсов молодых офицеров. Видимо, Мурдид не был одинок, стон отцов-командиров дошёл до командования Московского военного округа и оно (командование) организовало учебные сборы бывших студентов, ныне лейтенантов на главном полигоне округа. Это было лучшие 1,5 месяца службы всех «двухгадюшников», но они опять про это не догадались.

Самое главное – не было личного состава в подчинении, а зарплату платили согласно штатному расписанию – 250 рублей минус налоги. Занятия – 6 часов в день, 5 дней в неделю, суббота и воскресенье – выходные.

Никогда больше Сорокин не получал так много столь малыми усилиями. Кормили хорошо в офицерской столовой, кабинеты тёплые, за окном прошёл ноябрь, половина декабря, состоялось знакомство с товарищами по службе, сложились компании, образовались группы по 4 человека –

и начался офицерский преферанс! Вначале играли вечером, в свободное время, затем страсти накалились, играть стали ночами, до утра, утром до занятий, в перерывах, а потом и вместо занятий. Сорокин правила знал, но опыта не имел, а великая игра познаётся только на практике. Практики было достаточно, первый месяц Сорокин проиграл 57 рублей (копейка за вист в «сочинку»), а в декабре выиграл 42 рубля 70 копеек. Подсчёты велись лично, скрупулёзно, но тайно. В среде советских офицеров аккуратность трат, сдержанность порывов и экономия денег нисколько не приветствовались.

Никто из преподавателей не призывал пить, гулять и веселиться, но сама атмосфера полуказармы, слухи об афганских подвигах, славе и героической гибели, лёгкий выпивон, гитара, полужанания, мечтания, надежды, тревоги и вымыслы сильно изменили приоритеты нечаянных защитников Отечества. «Гусары на цветах не экономят и за любовь денег не берут», «Бутылка красного вина – жена драгуна, он породнился с нею раз и навсегда, с такими жёнами не одолеть врагу нас, с такими жёнами нам горе – не беда!», «Поручик, оставьте бутылку с самогоном, ведь Вы не найдёте отрады в вине, быть может командовать Вам эскадромом, а как же, поручик, ведь мы на войне. И Вы, капитан, не тянитесь к бутылке, юнцам подавая ненужный пример. Мы знаем, что Ваши родные в Бутырке, но Вы же не мальчик, Вы штаб-офицер»... – Историк Сорокин лично убедился, что историче-

ские факты ничего не значат против исторических мифов. Лично он вернулся в часть почти монархистом, уже понимая великую правду настоящего офицера: «Слуга царю, отец солдатам».

Жаль только, что это была другая часть. В начале декабря курсы инспектировал невзрачный генерал-майор в потёртой шинели, целый день ходил по кабинетам, крутил головой и вздыхал. Из вздохов сложилась загадочная фраза: «в танке очкарикам не место..». «Очкарики» – выпускники МИ-СиСа, почти все типично московские студенты – высокие, сутулые, в очках – на военной кафедре получили специальность «Командир танкового взвода» и уже почти начали забираться в танки без повреждений себя и имущества.

Через неделю поступило распоряжение начальника управления кадров МВО генерал-майора Волкова – «Командиров танковых взводов с дефектами зрения перевести в мотострелки, а на их место назначить командиров мотострелковых взводов без дефектов зрения». Вспомнил, вспомнил тогда Сорокин призывную медкомиссию в 10 классе.

В здании райвоенкомата – медосмотр будущих призывников, более 300 парней в трусах и майках в коридорах военкомата переходят из кабинета в кабинет, от врача к врачу. Стандартное – «Годеи без ограничений», иногда – «Здоров». Сорокин течение потока затормозил в кабинете стоматолога. «Интересно, да Вы, батенька, фенОмен, прикус неправильный, нижняя челюсть длиннее верхней, отмечу,

отмечу...» – озадачил врач. Последняя инстанция – начальник медкомиссии военный врач в звании капитана. Капитан немолод, нездоров, нетрезв и ему всё это неинтересно, этого мяса он видел уже не одну дивизию, подписывает заключение автоматически, симулянтов в провинции не бывает.

Сорокин вежливо кашлянул и обратил внимание военврача на заметки стоматолога. Капитан тяжело поднял голову, подробно разглядел симулянта и медленно, с расстановкой сказал: «Жаль, жаль, что у нас расформировали кавалерию, тебя, уклониста, я бы точно туда определил ЛОШАДЬЮ!!! Здоров, мля, послужишь!».

Физически здоровый Сорокин стал танкистом, а на его место пришёл «танкист» – москвич, что точно не ухудшило репутацию узбеков в глазах подполковника Мурдида.

«Танкисты – стальная грудь Отчизны...»

После блаженства учебных сборов военная судьба повернулась к Сорокину лицом: он прибыл на новое место – командиром танкового взвода – и понял, что значит старшинская присказка «Чтоб служба мёдом не казалась...».

Сорокин до, во время и после прохождения службы слышал не одну сотню рассказов о «непобедимой и легендарной Красной Армии», прочитал не один десяток опусов (незабвенные «100 дней до приказа» Ю. Полякова – самый щадящий вариант описания казарменного быта), где авторы и исполнители выводили два нехитрых мотива: личный героизм рассказчика (автора) и «свинцовые мерзости» службы (дедовщина, тупость командиров, воровство прапорщиков, отсталость и бардак).

Ничего героического Сорокин не совершил, страну не спасал, врагов не разил. Все тревоги, связанные с особенностью реагирования армейского механизма на внешние раздражители (ночёвка в оружейке с 10 по 12 ноября 1982 года, «шутка» Рейгана о начале атомной бомбардировки СССР 4 сентября 1983 года, повышенная боеготовность во время похорон Ю. В. Андропова) казались естественными, обыденными.

«Дедовщины» он не заметил нигде, правда и методы борь-

бы с ней в дивизии были неординарными. Линейные танковые батальоны формировались солдатами и сержантами одного года призыва, т.е. после весеннего выпуска учебок полностью заменялся состав 1 батальона, все одного призыва, 6 месяцев службы, осенью – состав 2-го батальона, следующей весной – 3 батальон, таким образом предполагалось, что все отношения внутри батальонов будут строго уставными. «Эти штабные придурки» – эlegantное определение майора Кочкина – «считают, что пару синяков у духов важнее боеспособности части, батальон не готов ни к чему, всех надо заново учить, не на кого опереться» – заявил громогласно комбат – 1 на полковом разводе после ознакомления с новым пополнением прибывших из «учебок» механиков, наводчиков и командиров танков, чем сильно осложнил и так неблестящую свою карьеру.

Сейчас Сорокин думает, что «дедовщина» эта – следствие малой занятости и бессмысленности большей части занятий воинов Советской Армии, а также выстраивание естественной иерархии внутри искусственно заданных моделей поведения.

Для самого Сорокина такая система комплектования оказалась спасительной, он в январе 1983 года принял взвод, состоящий только из «дедов», все они ждали дембеля в апреле, но не все его дождались даже в июне. Именно эти «деды» и научили Сорокина всем танковым премудростям, водить Т-62 и стрелять из него к весне он научился на твёр-

дую «четвёрку», полностью подтвердив мудрость великого и ужасного комбата Кочкина. После представления командованию танкового батальона лейтенант Сорокин выразил сомнение в возможности стать танкистом, если готовили его на мотострелка.

«Лейтенант, ты русский? Образование высшее? Не ссы, в Ковровской учебке за полгода из неграмотного чабана делают наводчика, ты у меня через полгода призы будешь брать, если начнёшь служить и перестанешь менструировать...» – комбат был прав, Сорокину даже понравилось чувствовать себя «чугуном», «сорок тонн говна» (так майор Кочкин любовно называл Т-62) вскоре начали слушаться свежеиспеченного танкиста.

В мае пришли «духи», но Сорокин уже знал, что с ними делать, чему учить и что спрашивать. В мае же стало известно, что осенью состоятся дивизионные учения с боевой стрельбой в присутствии командующего Московским военным округом генерала армии П. Г. Лушева (1923 – 1997 гг.)

2 и 3 батальоны состояли уже из «дедов» и «черпаков», поэтому первый батальон получил 4 месяца непрерывной полигонной подготовки. «Хочешь что-нибудь узнать – начни этому учить...». За 3 летних месяца Сорокин ночевал в городе и пировал в «Столбах» (это быстро стало синонимами) раз 6, высох, почернел, перестал менструировать и стал танкистом, по команде «По местам!» крышка люка на 8-й секунде хлопала его по голове, взвод выполнял все нормативы

с запасом, сам он гонял свой «334» «змейкой», по буеракам, ямам и грязи, которых не боятся ни танки, ни танкисты.

Вождение перемежалось стрельбой из всех видов танкового вооружения, правда из пушки стреляли «вкладным стволом» калибра 23 мм, чтобы экономить штатные снаряды калибра 115 мм. К Дню танкиста (для тех, кто не в танке – второе воскресенье сентября) вернулись в Дзержинск, два дня отдыхали всем батальоном (офицеры – в «Столбах», личный состав – в казарме) и начали готовиться к дивизионным учениям, которые должны были проводиться в знаменитом ГУЦе – главном полигоне МВО, в лесах к западу на 40 км от благодатного Дзержинска.

«Гремя огнём, сверкая блеском стали...»

Место масштабных учений – ГУЦ – это бескрайний чахлый лес, рощицы, болота, скудная песчаная почва, перелески и учебные поля. Всё принадлежит военным, несколько гражданских специалистов живут в центральном посёлке, остальных привозят рейсовые автобусы. Командование, штаб, технические службы расположены в посёлке, а полигонные команды (несколько солдат + прапорщик) разбросаны по учебным полям – готовят и выставляют мишени, обслуживают механизмы подъёма и движения, ремонтируют всё это хозяйство после стрельбы.

Похоже, площадью полигон превосходил какую-нибудь Бельгию, количество полей не поддавалось исчислению. Сорокин за 2 года был в ГУЦе 5 раз: на курсах, на учениях и в командировках с солдатами и видел учебные поля для мотострелков, танкистов, сапёров, артиллерии всех калибров (дальностью стрельбы до 25 км) и даже места учебного бомбометания армейской авиации.

В середине сентября 1983 года, после знаменитой «шутки» Рейгана о начале атомных бомбардировок СССР потому, что «это Мордор», танкисты приехали на учения. Привезли их, как белых людей, на поезде (в ГУЦе своя ж/д ветка и оборудованное место выгрузки бронетехники). Прежде,

чем выгрузить, надо погрузить. Погрузка танков на железнодорожные платформы – это захватывающее зрелище для сторонних наблюдателей и огромная проблема для танкистов. Дело в том, что танк шире ж/д платформы на 30 см. Нужно с ramпы (покатый пандус в дальнем тупике станции) своим ходом заехать на платформу, точно на середине её развернуть машину на 90 градусов и проехать несколько десятков таких платформ «вслепую», ориентируясь только на сигналы «заводящего», идущего перед танком спиной вперёд. Сам «парковщик» должен быть внимателен и обладать хорошей реакцией, но главная роль в этом цирке – у механика-водителя танка, его навыки, опыт и чувство габаритов должны удержать тяжеленный танк в равновесии, не дать ему свалиться с платформы, когда по 15 см гусениц с каждой стороны буквально «болтаются в воздухе».

Естественный страх водителей подавил комбат, загнав первый танк сам без всяких «заводящих». Спрыгнув на землю, он объявил водителям: «Всё просто – целься в жопу переднему, держись строго по центру. Танк уроните – поднимать будет некому, я вас сам тут же зарюю. Если кто не уверен в своих водителях – загоняйте сами, товарищи офицеры.» Сорокин не был уверен ни в чём и ни в ком, поэтому один танк взвода загнал сам, а два остальных лично «завёл». После окончания всех маневров и крепёжных операций лейтенант был в поту, несмотря на утренний заморозок. Технику погрузили, закрепили, выставили часовых, разместились

в трёх плацкартных вагонах и тронулись. Выгрузка – обратным порядком, ночью, под дождём – тоже прошла без аварий, но с нервами.

Командир первого батальона Василий Васильевич Кочкин летом был в отпуске, соскучился по «живому делу» и очень сильно облегчил батальону 28 дней жизни в палатках в осеннем лесу. Именно на этих учениях Сорокин понял, чем комбат – 1 заслужил прозвище «Лихой». Майор Кочкин был среднего роста, несколько грузноват, но очень подвижен, статью и повадками напоминал медведя в цирке, причём медведя очень хорошо дрессированного. В казарме, на плацу, в кабинете форма его стесняла, топорщилась, растёгивалась, но в танковом комбинеzone на полигоне и в лесу он был просто хорош – весёлый, ладный, громогласный, азартный, самостоятельный и бывалый.

Комбат поднял батальон ночью перед учениями для погрузки боеприпасов. Пока все остальные спали, 1 батальон в парке при неярком свете ламп принимал 0,5 БК (по 20 снарядов) на танк. Вес снаряда 40 кг, в ящике их 2, 10 раз по 80 кг снять с борта автомашины, занести в бокс, ящик открыть, снаряды по цепочке подать заряжающему, потом получить цинки с патронами, набить ленты, снарядить пулемёты. Мудрость комбата стала понятна в лесу, когда остальные грузили боезапас непосредственно перед стрельбами под дождём, вечером, таская по грязи ящики от автомобилей, застрявших в грязи в 700 метрах от позиций танков. Понят-

но, что «Лихой» Кочкин нарушил все и сразу инструкции по правилам хранения, перевозки и приёмки боеприпасов, но ему было плевать. «Инструкции в штабах пишут, а нам на земле воевать».

Сразу после установки палаток Кочкин вызвал Сорокина и отправил его со взводом собирать грибы. Сорокин заикнулся о приказе по полку обустроить укрытия для техники, вырыть капониры. «Рыться в земле лучше сытому, обеспечить приварок всему батальону, срок – сутки». Сорокин вырос среди лесов, грибы собирать умел и любил (и сейчас любит), но командовать взводом грибников ему больше никогда не приходилось. Леса на полигоне были чахлые, почвы бедные, но всё это искупалось отсутствием конкурентов. В середине тёплого сентября он повёл 11 человек к ближайшей опушке, грибов было море, но сам Сорокин удовольствия «тихой охоты» был лишён. Во взводе было 4 казаха, киргиз, литовец и пятеро русских. Опыт сбора грибов имели только четверо, включая литовца. Сорокин на опушке развернул пункт первичной сортировки сырья – бойцы резали в лесу всё, что нашли и в рюкзаках несли лейтенанту, тот разбирали добычу, отбраковывали гнилые и ядовитые и раскладывали по сортам на расстеленных плащ-палатках. Вначале этих плащпалаток было 11, потом собрали со всей роты – стало 32, по итогу набралось 56, добычу привезли в кузове батальонной «шишиги». Комбат оказался предусмотрительным, запасливым и хозяйственным. Из танка он достал ящик

уксуса, перец, лавровый лист, принесли мешок соли – и развернули полевую грибоварню. Грибовницы, жарёхи, грибы маринованные и просто солёные очень разнообразили сытный, но скучный армейский рацион.

Через два дня майор получил выговор за недостаточное оборудование позиций для бронетехники и отправился на рыбалку. Впереди ехал комбатовский танк с номером «301», за ним в колее пробиралась «шишига», за рулём сидел Сорокин, в кузове 6 солдат. Танк выехал к небольшому озеру, встал у самого уреза, опустил ствол, треть диаметра среза ствола ушла под воду, раздался холостой выстрел – озеро взбурлило, вспенилось и покрылось оглушённой рыбой. Сорокин с солдатами разделись и азартно полезли в воду, не чувствуя холода, начали собирать рыбу на те же плащпалатки, мелкую не трогали. «Я сюда через пару лет ещё наведаюсь, пусть растёт и множится» – пояснял майор. «И тот, кто не ел из того котла, не сможет добра отличить от зла...» (Р. Киплинг) Это для тех, кто никогда не пробовал ухи из свежепойманной рыбы, сваренной «с дымком» в солдатском котле посреди осеннего сумрачного леса.

Укрепив тылы, батальон взялся за боевую подготовку: вырыли капониры, упражнения по заряданию и разряжанию, маскировка, теория, выполнение норм, техобслуживание и венец всему – «пеший по танковому» – прохождение маршрута будущих учебно – боевых действий из района развёртывания до рубежа атаки. Всего прошагали километ-

ров 20, вначале полковой колонной, разбились по-батальонно, поротно, повзводно и, наконец, поэкипажно – в колону по одному четверо танкистов-механик, командир, наводчик и заряжающий. С рубежа атаки каждый экипаж занял свою «дорожку» и начал знакомство с целями. По очереди поднимались контуры танков, БТР, пушек, пулемётных гнёзд, «гранатомётчики», «стрелки».

Первый день пробежались рысью, второй – вдумчиво, только с рубежа атаки до рубежа свёртывания. Цели были расписаны, распределены между экипажами, определена дальность до каждой, заучена очередность появления. «Всё зависит от пакости начальства» – делился комбат с командирами рот и взводов – «не факт, что всё поднимут, может быть порядок появления целей изменён, танкист должен наблюдать всегда и везде, реагировать сразу и мгновенно принимать решение. Башками вертите на 360 градусов, а то я их вам сам пообрываю!»

Главное началось с вечера – получение и погрузка боекомплекта (наш комбат нас уже загрузил!), строевой смотр, политбеседы, накачки, инструкции и предупреждения. Отбой в 21—00, подъём – 4—00. Сварили оставшуюся рыбу, нажарили грибов, напились чаю. «Лучше летом у костра, чем зимой на солнышке» – внушал комбат – «Солдат должен быть сыт, а офицер свеж, вперёд на мины, за орденами! Не зря же я вас дрючил, пора кончать, Сорокин. Понял меня?». «Так точно, товарищ майор!». «Если промажешь –

с тебя «Столбы». «А если попаду?» «Тогда с меня!».

«Начали, самцы» – в шлемофоне рык комбата – «пошли вперёд, вперёд, нас ждут вино и бабы!». Начали, начали, полковая колонна распалась на батальонные, на ротные, на взводные. «К бою!» – рассыпались 94 танка в две неравные и неровные линии. В танковом шлеме рёв мотора звучит как урчание, визг пулемёта – как стрекотание, но пушечный выстрел пробирает до костей, благо она, голубушка, совсем рядом. Появились первые цели, началась пальба из главного калибра. «Цель!». «Дорожка!». «Выстрел!». «Откат нормальный!». «Геша, не спи – ЗАРЯЖАЙ!». Выстрел, цель поражена, сладкий дым «Беломора», запах пороховой гари и отстрелянных гильз, пот, весёлая ярость удачи.

В батальонной шеренге танк Сорокина второй справа, если смотреть сзади, от НП Лушева. Прошли два рубежа, цели встали вразнобой, но вовремя, 3 наводчика сделали 14 выстрелов – 6 мимо, целей для пушек было 8, пулемётных – 9, все поражены. Стоп! Почему 8, должно быть 9! Ладно, проехали...

Нет, не проехали! Девятая цель – «танк» – встала слева с большим запозданием, весь батальон готовился поражать третий рубеж, а тут тебе такой песец! «Стой!» – заорал Сорокин механику, прижав тангенту вызова – «Стой, Аяз! Вацек, цель слева на 9 часов!» – «Не вижу, тащлент!». Видимость средняя, лёгкий туман прошёл, изморось, но клубы дыма от выстрелов и дизелей. Командирское целеуказание, рёв

в наушниках «34-й, это 1-й. Почему встал, расщеперился как мандовошка!» – это кэп (командир полка) Бурцев. «Ташполковник, цель слева, дальность 1600, танк противника...». «Вижу, ташлент!». «34-й, позывных не знаешь, отстаёшь...». «Счас, Первый, счас, умою этого и догоню..». «Вацек, давай!». «Выстрел!» «Попал, блядь, 34-й! Молодец!». «Знаю. Ходу, Аяз, догоняй роту. Гена, ЗАРЯЖАЙ, доклада не слышу!» «Откат нормальный!». «Я те, сука, накачу, не спи, утырок!»

Догнали своих и уже спокойно прошли остальные рубежи. Всё, конец, «Оружие к осмотру, экипажи к машинам, Сорокин, к командиру полка...»

Штабной УАЗик мчит прямо к дверям НП, Сорокин вбегает в зал и застывает столбом перед толпой генералов. «Товарищ генерал армии, разрешите обратиться к товарищу полковнику!». «Разрешаю!». «Товарищ полковник, лейтенант Сорокин по вашему приказанию прибыл!». Подполковник (пока) Бурцев негромко сообщает окружающему пространству вообще и командующему округом в частности: «Нештатная цель, стрельба с борта, время от появления до поражения мишени – 11 секунд, командир экипажа – лейтенант Сорокин». Лушев невнимательно смотрит, протягивает руку вправо, из воздуха берёт коробочку и вручает Сорокину. «Благодарю за отличную стрельбу!». «Служу Советскому Союзу! Разрешите идти!». «Идите. Подполковник, готовьте документы о досрочном присвоении очередного зва-

ния». «Есть, товарищ генерал армии!». «Ты что, замёрз, Сорокин, иди на хер...»

Ах, если бы «танковый биатлон» практиковали 30 лет назад!

Ах, если бы умение стрелять и водить было единственным критерием службы!

«Да, были люди в наше время...»

«Я думал, ты, Андрюха, „пиджак“, а ты оказался вояка, теперь послужим..» «Лихой» майор Кочкин со стаканом водки в руке посреди батальонной Ленинской комнаты подводил итоги учений.

Итоги были приятные, особенно для командования. Генерал армии П. Г. Лушев стал Героем Советского Союза, комдив Кондратьев стал генерал-майором, кэп Бурцев получил благодарность, Кочкин не получил взыскания, что уже было наградой, а Сорокин получил наградные часы «Командирские», отпуск всему экипажу, досрочное присвоение звания «старший лейтенант» к Новому году и признание кадровых танкистов.

Помимо прочих пряников «старый» замполит предложил Сорокину написать рапорт о продолжении службы уже на постоянной основе, «настоящим офицером» на 25 лет. Сорокин после отпуска такой рапорт написал, подписался и влился в ряды «тяжёлых танкистов».

Порядок службы в 1 батальоне резко изменился, в ноябре «духи» заменили «дембелей» во втором батальоне, теперь они стали небоеспособными и пропали в учебных полях, а «Кочкинцы» стали «тянуть службу» – караулы, дежурства, патрули, командировки.

Сорокин вернулся после отпуска в конце ноября и сра-

зу же попал в эту карусель «через день – на ремень». На разводе нарядов в 16—00 каждый день выстраивались на плацу дежурный по полку, помощник дежурного, два караула, дежурный по парку боевой техники, патрули, кухонный наряд. С 1 декабря 1983 по 23 февраля 1984 года лейтенант (старший лейтенант с 27 декабря 1983 года) Сорокин не пропустил эту тусовку ни разу, только кухонный наряд ему не светил.

Вот и развод караулов 31 декабря 1983 года без него не обошёлся, он заступал помощником дежурного по полку на новогоднюю «вахту». Дежурным по полку неожиданно оказался подполковник, начальник ПВО полка с ромбиком Академии Генштаба на кителе. Прибыл в полк Олег Николаевич неделю назад, семью ещё не перевёз, от него за версту пахло неудачей.

По слухам, был он начальником штаба (или заместителем) армии (корпуса) ПВО на Дальнем Востоке, замещал командующего на время отпуска и неправильно среагировал на тот самый «Боинг» 1.09.1983 года, т.е. не сбил и команду своим подчинённым на уничтожение не дал. Делал он карьеру сам, на орденских планках мундира читались два ордена Боевого Красного Знамени, на парадке Сорокин увидел нашивку за тяжёлое ранение, рискнул спросить про Вьетнам и получил в ответ про Сирию, война Судного Дня

Подготовленный офицер с боевым опытом закончил с отличием Академию Генштаба в звании полковника, мыслен-

но примерял «полосатые штаны» и беспросветные погоны, но всё рухнуло, сняли звезду и понизили в должности уровень на десять. ПВО танкового полка было «кастрировано» полностью, личного состава не было вообще, два прапорщика сторожили имущество в отдельном ангаре парка. Всем всё было ясно, подполковник дослуживал последние дни – и дослуживал их в должности постоянного дежурного по полку. К счастью для Сорокина, «последние дни» растянулись на пять месяцев общения с очень интересным человеком.

Сорокин в нарядах читал, библиотека в полку была большая, но формировали её по заветам начальника ГЛАВПУРА МО СССР тов. Епишева, военные мемуары скоро кончились, а читать остальную продукцию членов Союза Писателей СССР можно было только под страхом расстрела из танковой пушки. Была ещё спецбиблиотека в штабе, только для офицеров, Сорокин начал там бывать, изучал «Военный вестник» и «Иностранное военное обозрение», но это было чтение ДСП, на руки не выдавалось.

Длинные суточные дежурства с О.Н. стали прямо отдушиной для одичавшего без умственной гимнастики гуманитария. Вскоре разговоры продолжились в комнате О.Н. в офицерской общаге и затягивались за чаем и шахматами до утра. Семью бывший полковник сразу отправил куда-то под Питер, жил один, спиртного не пил совсем, выпившего Сорокина не принимал – и Сорокин даже пить бросил (временно), чтобы продлить радость общения.

У Сорокина накопилось множество вопросов, а подполковник имел ответы или оригинальные суждения по каждому из них.

«Почему командование такое тупое?».

– Оно не тупое, оно очень уверено в себе. Карьеру делают те, кто в себе не сомневается. Представь, шахматы, но с другими правилами: ты видишь только свою половину доски, начинает любой и фигуры можно расставлять в любом порядке. Ты знаешь силы противника, знаешь территорию его размещения, но не знаешь, как стоят его силы и он не знает расстановки твоих. Можно всё спланировать, расписать и подготовиться, но только до первого хода, дальше сплошной туман и непрерывный цейтнот. Надо иметь очень сильную волю, чтобы добиваться выполнения намеченного плана от себя и подчинённых, причём в реальной войне всё переносится в три измерения, добавляется воздух и можно использовать резервы за пределами данного поля боя, понимаешь? Маршал Василевский – лучший штабист, лучший планировщик, а маршал Жуков – лучший полководец потому, что железная воля и неколебимая уверенность в своих решениях, почти как у Сталина. Если ты поступишь в военное училище, то будешь в конце, слишком много рефлекслируешь. Что, рапорт написал о кадровой службе? Отзови, ни один «пиджак» карьеры в армии не сделает, не тот замес. (О.Н. ошибся, «двухгадюшник» Квашнин дослужился до должности начальника Генерального Штаба МО РФ, но это исключитель-

ное исключение).

«На войне многие выдвинулись из штатских».

– То на войне, там жить захочешь – извернёшься, там хитрости в цене, а кадровые хитрить не умеют. И счёт там другой – по количеству убитых врагов, а не проведённых мероприятий. Твой комбат не зря говорит: «Мне плевать, товарищи офицеры, что вы делаете всё возможное. Я вас не ограничиваю – делайте невозможное, но дайте результат». На войне ты, может быть, поднялся бы, если в танке не сгоришь, но только на войне и только на время войны. Воевать Кочкин может, а служить – нет. И ты такой же. Иди на гражданку, всё равно большой войны не будет. Твой потолок – майор при увольнении в запас, если повезёт. В штабе тебе не служить. Конечно, можно устроиться в военкомате, но в мундире перебирать бумажки – только позориться, правда ведь? Потенциал у тебя есть, но не в армии. В мирное время чем лучше человек, тем хуже карьера, на Колю Быстрова посмотри. (У Быстрова отец – лейтенант погиб в 1956 году в Египте, мать с двумя сыновьями – погодками замуж не вышла, Колю приняли в Калининское суворовское, окончил Казанское танковое с отличием, 5 лет службы в Чехословакии командир взвода, зам. командира роты, вернулся в Союз – сразу попал в Афган, был там всю первую «сменку» с января 1980 по октябрь 1983, Красная Звезда и Боевое Красное Знамя на груди. Холост, половину денег с училища отправлял матери, брат женился, ему дом купил в теперешней Гве-

ри. Пришёл в полк капитаном, командиром роты и членом КПСС. Через год он стал беспартийным старшим лейтенантом, командиром отдельного автотранспортного взвода).

«Я прочитал про английский ночной десант на Фолкленды, у каждого солдата свой канал связи с командиром, батальоном взяли аргентинскую дивизию, а как мы с НАТО воевать будем?. Уровень связи и управления у нас точно аргентинский».

– Масштабы боестолкновений не учитываешь. Аргентинцы танки в землю зарыли, от ракет с инфракрасным наведением костры за позициями жгли, ПНВ идеальная подсветка, всё статично, маневра нет, вот их тёплыми и взяли. Представь реальный масштабный бой – тысячи работающих двигателей по обе линии фронта, пожары, взрывы, горящие танки – чем тут поможет инфракрасное наведение? Если противник превосходит тебя в технике – надо перевести бой на свой технический уровень. Постановка помех, уничтожение радаров, завеса из фольги, маскировка элементарная, ложные цели и т. п. Американцы после Вьетнама армию на контракт переводят, упор на технику делают. Противотанковые ракеты с телевизионным наведением – слышал? А должен бы прочитать в «ИВО», тебе это по специальности ближе, всё стратегию придумываешь, а под носом ничего не видишь. Смотри, автомобиль, установка типа «Катюши», запуск ракет залпом или по одной, наведение сверху, на каждой ракете телекамера, оператор выбирает цель и поража-

ет танк прямо в командирский люк. Не нравится? Как спастись? Не те вопросы задаёшь. Как победить – вот правильный вопрос, ответ ищи сам в зависимости от боевой ситуации. Генералы, знаешь, всегда готовятся к прошлой войне, вот и натовцы ждут нашей танковой лавы. Правильно думаешь, не дождутся. Перебросить войска по ж/д сейчас никому не удастся, своим ходом до Ла Манша дойдёшь? Технические игрушки хороши, но дороги. В Европе войны не будет, они не понадобятся, а в Афгане для этих примочек целей нет. (Командующий контингентом войск коалиции в Афганистане генерал Петреус через 25 лет дословно повторил: «Долбаная страна, ни одной приличной цели»).

«Вот о солдатах. У них обученные профессионалы, а у нас малограмотная молодёжь, да голодные, мокрые, уставшие».

– Дураком не прикидывайся, тебе не идёт. Лучшие солдаты – дети, подростки, страха нет и жалеть им нечего. Сейчас Иран корпуса прорыва из подростков формирует, на иракские пулемёты стеной идут с автоматом и пропуском в рай, прямо к гуриям. Служба не может быть профессией. Наёмники – ненадёжная армия. Помнишь, на учениях в ГУЦе ночью было – 34С? Спали в палатках и танках, а много заболевших, много обмороженных? Ни одного, организмы молодые и уставшие, только жрать и спать хотят. Как ты в зимний лес загонишь контрактника? Замучаются натовцы обеспечивать «нормальные условия службы» своим воякам. Самый лучший солдат – злой, голодный и бедный, его в атаку

толкать не надо – только намордник сними и поводок отпусти. Ты запомни – для победы нужно сделать не сколько можешь, а сколько надо. В рамках инструкции контрактники справятся, но война всегда не по инструкциям идёт.

«А офицеров что в армии держит?».

– Кого что, люди разные. Кого деньги, пенсия ранняя, форма бесплатная. Жильё, проезд опять же. Кто-то карьеру делает неудачную. Есть трудяги, они делают всё на совесть, вроде твоего Лёхи Васильева. Есть любители, вроде Деда. (Дедом называли зампотеха батальона майора Рябченко. В армии он служил с 1951 года, призвался рядовым, остался на сверхсрочную механиком-водителем, в 1956 году в Будапеште уцелел один из экипажа, в госпитале долго лежал, случайно познакомился с молодой учительницей, женился, родилось у них 2 сына и 2 дочери. Парни в военное училище поступили, девушки – в педагогический пошли. Жена его убедила учиться, закончил вечернюю школу, в 32 года произведён в офицеры – стал младшим лейтенантом. Уже к пенсии готовился – полк ушёл в Афганистан, он командир ремонтной роты, мотался между батальонами на самодельной самоходке: на танковый тягач наварил турелей, поставил ДШК, два АГС-17 «Пламя», боеприпасов возил всегда с собой тонну, орден, медаль «За отвагу» и «будённовские усы». Его уже уволили в запас прямо из Афгана, присвоили майора, но что-то не срослось в бумагах с офицерским стажем и вернулся Дед дослуживать опять к родным

танкам. Специалист был редкий, на разводы почти не ходил, всё время в комбинезоне в парке возился с техникой. Механики и техники всего полка ходили за ним строем, просили совета и помощи, никому не отказывал, руки золотые и человек хороший). В армии те же люди, что на гражданке, просто в форме они заметнее и ожидают от них больше.

Сабонис forever

Осенью 1981 года Сорокин месяц провёл в Москве, проходил преддипломную практику в библиотеках, жил в общежитии МГУ (главный корпус со шпилем). Деньги после стройотряда ещё не кончились, наслаждение жизнью в столице принимало самые изощрённые формы и занесло Сорокина на баскетбол. Играл «Жальгирис» с кем-то.

Сабонис всегда выглядел на площадке как эльф среди орков, особенно в играх НБА, а в 17 лет сверкал на фоне прочих бугаёв просто ослепительно. К баскетболу до этого дня Сорокин был равнодушен и чувство это пронёс через всю жизнь, но начал следить за спортивной карьерой великого Арвидаса, что и спасло ему жизнь.

Подчинённые Сорокина не боялись, это сразу ставилось любому офицеру в вину. Запугать солдата до смерти считалось первым условием укрепления дисциплины, но Сорокин этого делать не умел, да и не хотел. С солдатами его отношения сразу пошли не туда, он старался им всё объяснить, найти компромисс между необъятными уставными обязанностями военнослужащих СА и их неощутимыми уставными же правами.

«Ты им зря даёшь возможность рассуждать, много они у тебя говорят, это не на пользу никому, особенно порядку» – примерно так учили службе ротный, комбат, сослужив-

цы и проверяющие. Солдаты у Сорокина говорили много потому, что лейтенант с ними разговаривал, командный рык давался ему трудно, материться он умел, но не любил.

Спасаясь от рутины службы, Сорокин много читал, библиотека части его не интересовала, покупка книг требовала времени и места (и денег). Киоск «Союзпечати» на улице Черняховского получил клиента в форме. Немолодые работницы газетного прилавка души не чаяли в скромном, вежливом и постоянном покупателе. Очень скоро Сорокину стали «оставлять» (прятать от других) все новинки. Про дефицит колбасы в СССР знают все, а кто помнит дефицит газеты «Советский спорт»? Сорокин не мог бывать каждый день («Служба, сами понимаете»), поэтому покупал все «оставленные» газеты и журналы раз в неделю, иногда реже. Охалка «прессы» обычно покупалась перед караулом и после Сорокина доставалась бойцам.

«Известия» и «Литературка» использовались ими для гигиенических нужд, утепления зимой и чистки оружия, «Комсомолка» и «Труд» просматривались, а «Советский спорт» зачитывался до дыр, единственная легальная отдушина в потоке пропаганды.

Первым (после Сорокина) «Спорт» обычно читал рядовой Вацкявичус (Вацек). Парень отчислен с 4 курса Каунасского политеха, почти ровесник, схватывал всё на лету, стал лучшим наводчиком полка. Именно его выстрел на учениях и принёс Сорокину досрочную звёздочку на погоны и почёт

(недолгий, как всё в этом брэнном мире). С ним было о чём поговорить, его русский с акцентом был непривычен, но хорош.

Сорокин узнал, что баскетбол в Литве – религия, а Сабонис – Бог. Сорокин разорился на рубль и подарил Вацеку журнал «Спорт в СССР», где был большой репортаж и цветные фото с чемпионата Европы 1983 года, на котором Сабонис стал мировой звездой. Такой радости за рубль теперь литовцу не подаришь...

Караулов в полку было два: «ближний» и «дальний», склады и полигон, в каждом Сорокин побывал раз по 70. 6 июля 1984 года очередной «ближний» (3 км от Дзержинска) караул начался обычно, никто не знал (и не знает, и не надо), что в Литве 6.07.1253 года была коронация Миндаугуса (Миндовга), теперь это у них День Государства.

Согласно Уставу караульной службы, начальник караула отвечает за всех и за всё, обеспечивает несение службы, проверяет посты. Сорокин всегда лично разводил часовых в самые тяжёлые ночные смены: 2—00 и 4—00, будил помощника в 5—45, встречал их в 6—30 и только после этого ложился отдыхать.

7.07.84 проснулся Сорокин сам и это ему не понравилось. На часах было 12—30, обычно его будил сержант – помощник начальника караула в 11—00, приносил обед и солдатские новости пополам с проблемами. В караулке тихо и пусто, на столах грязная посуда от обеда, оружие в пирамиде,

бойцы курят в тенёчке на улице, но сержант почему-то спит в караулке – и какой-то запах. . . .

Обед Сорокину принёс механик его танка, рядовой, на вопросы не отвечал, смотрел в сторону. 13—45 – время развода новой смены, построения нет, никто не шевелится, команд сержанта не слышно – Сорокин терпел до 13—55, затем взорвался «как триста тонн тротила» (Высоцкий В. С.).

Задолго до этого караула, ранней весной 1981 года, Сорокину повезло поработать «кроликом» в НИИпрофзаболеваний АМН СССР. В общагу пришли люди, принесли анкеты, унесли заполненные, через неделю вахтёр общаги передала ему номер телефона, после звонка пришёл в указанный кабинет. Весёлый врач предложил помочь советской науке, а невесёлый уточнил: «За деньги». 3 дня в марте Сорокин, весь в датчиках, просидел за пультом управления неизвестно чем. На пульте загорались лампочки, мигали табло, звенели реле – Сорокин всю эту светомузыку должен был гасить нажатием соответствующих кнопок, клавишей и педалей. При этом датчики непрерывно фиксировали скорость реакции, температуру тела, давление, пульс и много чего ещё. Платили по-царски: 25 рублей за смену 6 часов с перекурами. Во время перекуров весёлый врач рассказал, что они работают над определением оптимального психотипа для исполнения обязанностей оператора химического производства, у Сорокина редкий психотип, очень низкая лабильность, высокая ригидность и вообще Сорокин счастливец, очень

устойчивая нервная система. Невесёлый пояснил: «У тебя лабильность 53 балла, а 50 – уже летаргический сон». Да, Сорокин обычно был спокоен, но иногда его выводили из себя....

Сержант был поднят пинками, Сорокин ревел, как пароход в тумане, выгнал на построение обе смены (заступающую и отдыхающую) и с ужасом обнаружил, что караул пьян почти в полном составе. Исключение составили три казаха, от остальных несло как от бочки.

«Сдать оружие, ушлёпки! Аяз, собери автоматы и магазины, сложи у меня в ком-нате, никуда оттуда не выходи. Сержант, ко мне! Стоять, сука, в глаза смотри. Почему не можешь? Что пили? Сколько? Где взяли? Кто принёс? Как Вацек? Где Вацек? На посту, пьяный на посту?! Ты молись, сопля зелёная, чтобы дожить до трибунала. Ты не сопля? Да ты зеленее, чем хер у лягушки, но в дисбате это пройдёт!». «Тенгиз, Курбан, за мной, оружие не брать, бегом – МАРШ!!!».

Смена постов обычно занятие неспешное, но тут Сорокин летел подкалиберным. Первый часовой спал, спал днём на посту, даже бутылку не смог спрятать («Вермут» 0,8 литра по 1,52 рубля). Остатки вина вылил, оружие отдал Курбану, будить не стал – дальше, скорее, скорее добраться до этого козла из Каунаса. Козёл не спал. Он стоял за грибок, расстояние метров 12, автомат в руках, предохранитель опущен.

«Стой, буду стрелять!». «Смена караула, рядовой Вац-

квявичус, сдать пост и оружие!». «Не по Уставу, не вижу разводящего и смена без оружия». «Вино жрать на посту – по Уставу? Вацек, не усугубляй, сдай оружие и пошли отдыхать». «Я вам покажу, кто в стране хозяин, свиньи русские. Стоять, ещё шаг – стреляю!».

Сорокин увидел свою смерть воочию, дуло АКМ направлено в грудь, палец, указательный палец лучшего наводчика полка, лежал на спуске и глаза, полные пьяной ненависти «лесного брата» к «оккупантам».

Сорокин узнал по себе, что такое «ярость благородная», только пришла она к нему не «как волна», а как вспышка. Он вдруг ясно понял ЧТО делать и знал ЧТО будет. Эти озарения и в дальнейшей его жизни случались, правда, очень редко, но всегда вовремя

Неожиданно даже для себя, Сорокин снял фуражку и, отбросив её в сторону, засунул ладони под ремень портупей и ровным шагом пошёл на сближение. На восьмом шагу (он считал в уме, чтобы заглушить страх и угрозы пьяного «лабаса») левой ногой саданул снизу по стволу и, не прекращая движения, лбом ударил Вацека в лицо. Автомат отлетел в сторону, солдат опрокинулся на спину, начал вставать, получил правой ногой в голову и обмяк на траве.

Тенгиз получил оружие поверженного (патрон оказался в стволе!), помог взвалить Мацека на лейтенантские плечи и остался на посту караулить на всё оставшееся время.

Сорокин с окровавленным телом на плечах (как в кино!)

пришёл в караульное помещение, сбросил ношу на топчан и провёл воспитательную работу с личным составом. Личный состав понял и рванулся исправлять отмеченные недостатки, а бледный начальник караула позвонил дежурному по полку. На счастье, попал на помощника, родного Чикина, описал ему ситуацию и попросил по тихому сообщить комбату (ротный был в отпуске).

Майор приехал через 40 минут на своей «копейке», но в форме и навеселе. Засунул очнувшегося Мацека в багажник, сержанта посадил рядом, посоветовал Сорокину самому написать и у всех проверить написание подробнейших объяснительных и убыл, бросив: «До вечера!». Ну, пьянство в Советской Армии имеет место быть, офицеры не прочь, но и солдаты повсеместно при первой возможности. Но в карауле! С боевым оружием и патронами! Редкий косяк, не всякому так «повезёт».

Вечер состоялся и не был тонным. После сдачи оружия и караульных боеприпасов (комбат лично проверил наличие всех патронов), Сорокин с пачкой объяснительных явился к начальству и получил по полной. Комбат сдал зачинщиков «на губу», но прежде снял показания. Показания были нехороши: начальник караула спит, рядовой Вацкявичус утром приносит из города 8 (восемь) «огнетушителей» вермута, предлагает отметить личный праздник, все отмечают, кроме казахов, разведённых сержантом на посты, обед принимает самый трезвый с криком: «Наконец – то закуска!».

В 12—00 развод караульных, новая смена идёт с бутылкой и допивает прямо на боевом посту. Повреждения лица Вацкявичус не смог объяснить, утверждал, что ничего не помнит, падал, видимо, несколько раз в нетрезвом состоянии.

Вывод: старший лейтенант Сорокин не соответствует занимаемой должности, службой пренебрегает и солдаты у него борзеют. Сорокин сослался на Устав караульной службы, майор отмахнулся: знаю я, как в карауле хорошо спится, сам служил, спишь круглые сутки, лейтенант, солдаты и творят, что хотят. «Никак нет, товарищ майор, каждый караул ночью развожу сам, спать ложусь не раньше 6—00, согласно Устава».

«Смотри, проверю!». Проверка была тщательной, комбат не поленился найти дембеля, сыгравшего свадьбу с аборигенкой и уже работающего на одном из местных заводов, перетряхнул все караулы по спискам, убедился в соблюдении Сорокиным Устава и вынес ему вердикт: «Мудак!».

Сержанта разжаловали, Вацека к оружию больше не допускали. Неделя «губы», санчасть, сломанный нос, лечение гигантского синяка и начал он ходить только дневальным по батальону со штык-ножом на ремне. Через месяц прямой вопрос Сорокина: «Что же ты, патрон в ствол загнал, а на курок не нажал?» вызвал кривой взгляд и тихий вежливый ответ с акцентом: «Слабак оказался, Сабониса вспомнил...».

«Одер, Висла, Варшава, Брест, мы на службу положим крест...»

Эта песня дембелей из ГСВГ, привезённая братом, очень хорошо ложилась на настроение двухгадюшника Сорокина в августе 1984 года. Ещё лучше шла за столом, под гитару или «а капелла» (по мере опустошения бутылок):

«Нас уже не хватает в шеренгах по восемь и героям наскучил солдатский жаргон лишь кресты вышивает последняя осень по истёртому золоту наших погон..»

Служба офицером в рядах СА перестала нравиться Сорокину, и одновременно Сорокин тоже перестал нравиться СА. По мнению командования и политического руководства полка старший лейтенант Сорокин перестал соответствовать высокому званию советского офицера. Новый комполка «в поле» Сорокина не видел, зато видел на плацу и читал регулярные «сигналы» нового замполита полка, старого замполита батальона и вечного полкового «комсомольца». «Комсомолец» жаловался на нерегулярную оплату членских взносов (он сидел в штабе полка с 8 до 17, а Сорокин служил «как жучка» и не всегда мог заплатить в рабочее время. «Комсомолец» ходить за комсомольцами с ведомостью считал ниже своего достоинства). «Старый» замполит батальона (бывший «комсомолец») критиковал низкий уровень проводимых политинформаций и их несоответствие утверждён-

ным темам. «Новый» замполит, молодой стройный майор, прибывший из СГВ (Польша) обличал бытовую распущенность и моральный облик.

Замполит полка имел основания для столь грустных выводов. Его служебное рвение распространилось за границы территории полка и привело майора с проверкой в офицерское общежитие. Дело было утром, в 9—00 майор приступил к обследованию условий жизни вверенного ему офицерского состава и в 9—20 запасным ключом открыл дверь квартиры, в которой проживали Сорокин с Чикиным. Для общежития был выделен крайний подъезд типовой панельной пятиэтажки, на первом этаже вахта, хозблок и служебные помещения, выше обычные квартиры. На площадке были 3 квартиры: трёхкомнатная, двухкомнатная и однокомнатная. В 3-х комнатах жило 5 офицеров, в 2-х комнатах – 3 офицера, в однокомнатной квартире – двое. Места в общежитии распределялись в славный период службы, Сорокин уверенно поселился в однокомнатной, а через неделю добился туда вселения лейтенанта Миши Чикина, командира взвода из своей роты. Расчёт оказался верным, практически лейтенанты жили в одиночестве, сменяя друг друга в нарядах и, ночуя через сутки в карауле, казарме, на полигоне, делали квартиру свободной для отдыхающего соседа.

Так вот, замполит открыл дверь в квартиру и обнаружил отдыхающего Сорокина, что само по себе возмутительно: «9—20 утра, а офицер ещё в кровати – и не один!». Май-

ор вызвал Сорокина неглиже в прихожую и выразил своё возмущение, закончив речь неосторожным требованием:».. и чтобы блядь эта немедленно убиралась». Хорошая, крепкая, плотная девушка из категории «Я стою у ресторана, замуж – поздно, сдохнуть – рано..» в армии никогда не служила, субординацию не соблюдала и с криком «Кто блядь?! Я блядь!?!?» въехала майору с левой так, что фуражка спрыгнула с головы замполита в руки ошеломленного Сорокина, а сам майор вылетел на лестничную клетку и исчез. Славная представительница пролетариата города Дзержинска ревела, как сирена, одевалась и рвалась в погоню. Сорокин еле успокоил ранимую душу, но это ему стоило времени и сил.

Через 2 часа Сорокин пришёл в штаб полка с фуражкой на голове и в руках, но замполит всё ещё проверял подразделения. Вечером караул, потом в штабе выходные, потом наступила расплата, замполит вызвал к 9—00 и выпустил жертву только к обеду. Майор в новой фуражке хорошо подготовился к встрече, много нового из уже пережитого старого узнал про себя Сорокин. Замполит, как Шварцнеггер в фильме, «Вспомнил всё!!!»

Оказывается, по вине Сорокина лейтенант Маневич не явился на парад 9 мая. Маневич был почти профессиональный преферансист из Ростова-на-Дону, вечером 8 мая они с соседом предложили расписать пульку, третий член их экипажа выбыл, не вынеся принятой на грудь дозы спиртного. Сорокин из караула был свеж, легко просидел до утра

и в 5—20 Маневич поймал «паровоз» (6 взяток) на мизере. Желание отыграться встряхнуло пьяного, но ясности уму не прибавило, получив 8 взяток на «тройных» распадах, Маневич подвёл итог, выдал Сорокину 126 рублей 70 копеек выигрыша и ушёл спать. Оправдываясь перед своим комбатом, этот нехороший человек жаловался на дурное влияние хорошо известного всем с плохой стороны Сорокина! Поистине: «Знал бы прикуп – жил бы в Сочи!»

Оказывается, Сорокин попирает не только воинские Уставы, но и гражданские законы, он грубо нарушил ПДД, управляя чужой машиной. Да, Сорокин по доброте души увёз домой пьяного замполита батальона на его «шестёрке», был остановлен гаишниками, которые и накатали «телегу» в часть.

Оказывается, Сорокин политически неграмотен, допускает искажение утверждённых материалов на политчасах, неправильно доносит политику партии и правительства до подчинённых и сослуживцев. Ну, обвинить в неграмотности выпускника истфила мог только выпускник Львовской военно-политической семинарии. Застольные речи Сорокина о тайнах истории заставляли собутыльников забыть о налитом, но, действительно, не совпадали с передовицами «Красной Звезды».

Оказывается, Сорокин имеет наглое намерение продолжать позорить моральный облик советского офицера, но пусть не надеется, руководство дивизии рапорт о даль-

ней-шей службе в рядах СА уже завершило, замполит в новой фуражке дошёл до сведения Сорокина, что служить ему осталось немного и пусть радуется, что легко отделался, миновав «суд чести младшего офицерского состава Советской Армии».

Узнав своё будущее, Сорокин поделился им с непосредственными командирами. Ротный радостно промолчал, а простодушный комбат не удержался: «Ну и хорошо, Андрияха, воевать с тобой можно, а служить чересчур весело. Мне за тебя на каждом совещании новый замполит шею мылит. Что ты ему сделал?». Рассказ об изгнании майора из рая был встречен бурными, продолжительными аплодисментами присутствующих.

Сорокин выбрал время, приехал в Нижний и явился в областное управление образования (он хотел в городское, но не нашёл нужной двери). Крепкий седоватый мужчина принял старшего лейтенанта танковых войск в полевой форме как родного. «Дорогой, когда дембель? В конце августа. Историк, это замечательно. Пед? Университет!? Партийный? Жаль, мы б тебя сразу директором, мест полно. Ну, ничего, в школе вступишь. Есть место в ближнем районе, 30 минут автобусом до Нижнего, служебное жильё, все условия, школа новая, сельские льготы, часов море, вся история, обществоведение твои, военное дело, физкультура, если хочешь, кружки. Через год завучем будешь, ты так меня со временем сменишь, я сам танкист, подполковник в отставке».

В офицерской книжке дата призыва стоит 1 августа 1982, Сорокин считал, что срок службы истечёт в августе 1984, строил планы и питал иллюзии, которые были безжалостно растоптаны армейской бюрократией. Окончательно распрощался с армией только 6 октября, после сдачи вверенного казённого имущества, получил итоговые деньги, закатил от-вальный банкет в «Столбах» и явился к бывшему подполковнику. Тот всё понимал, с военной и иной бюрократией был давно лично знаком, но сделать ничего не мог, вакансии заняты, учебный год в разгаре, «Летом приходи, помогу обязательно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.